

Ричард С. Катц и Питер Майр

КАРТЕЛЬНАЯ ПАРТИЯ: ПЕРЕСМОТР КОНЦЕПЦИИ¹

В этой статье мы переопределяем и уточняем понятие «картельной партии», концепта, впервые выдвинутого нами в сообщении, представленном на семинаре Европейского консорциума политических исследований в 1992 г. и впоследствии опубликованного в журнале *«Party Politics»*². Не претендуя на исчерпывающий характер, понятие «картельной партии» оказалось вполне приемлемым для исследования партий во всем демократическом мире, в том числе и в странах, далеких от первоначальной исследовательской модели и данных, заложенных в ее основу³. Наш тезис стал объектом разнообразных эмпирических проверок — достигших, впрочем, разной степени успешности в поиске надежных подтверждений гипотезы, — а также подвергся теоретической оценке и критике⁴. На этом фоне имеет смысл вновь вернуться к концепции «картельной партии» как для прояснения неопределенности (а в некоторых случаях и неправильного толкования) изначальной формулировки, так и для ее дальнейшего уточнения и расширения. После краткого описания того контекста, в котором была написана оригинальная работа, мы последовательно рассмотрим нашу основную идею, а затем объясним, почему стоит говорить о картелизации на первый взгляд конкурентоспособных политических партий. В заключительном разделе мы обсудим некоторые импликации нашего подхода.

Теория картельных партий⁵ индуктивно возникла из предпринятой в конце 1980-х гг. попытки составить базу данных для фиксации раз-

1. Katz R. S., Mair P. The Cartel Party Thesis: A Restatement // *Perspectives on Politics*. 2009. Vol. 7. № 4. P. 753–766.
2. Katz, Mair 1992, 1995.
3. Раннее рассмотрение канадского случая было представлено МакАйвором (MacIvor 1996); более поздние и географически более широкие исследования см.: Young et al. 2005; Bardi 2006; Marsh 2006; Aucante, Dézé 2008. См. также: Detterbeck 2005; Yishai 2001.
4. См. особ.: Koole 1996; Kitschelt 2000; Wolinetz 2002; Scarrow 2006; Goot 2006.
5. Как заметил один из анонимных рецензентов, мы были непоследовательны в нашем объяснении того, является ли идея картельной партии гипотезой, концепцией или моделью. Мы имели в виду две основных гипотезы, одна из которых касалась природы внутрипартийной конкуренции или сговора, а другая — природы

личных форм организации партий и адаптации этих форм к социальным и политическим переменам с помощью сравнительного анализа. Несмотря на обширную литературу по различным аспектам партийной политики, изучение партийной организации находилось тогда в зачаточном состоянии, и зачастую считалось, что сформировать пригодные для межстранового сравнения данные по организации и развитию партий будет достаточно сложно. Таким образом, к началу нашего проекта в партийных исследованиях образовался очевидный пробел. Многие аспекты партий изучались в ходе серьезных межстрановых исследовательских проектов, но никто систематически не анализировал динамику организационной структуры партии. Накопилось достаточно теоретических аргументов, в том числе тогда еще свежая книга Анджело Панебьянко⁶, но не систематических эмпирических работ. Поэтому мы разработали наш проект по сбору данных, не претендовавший ни на что, кроме, говоря словами Стейна Роккана, определения числа сравнительных отклонений⁷. Так, разработку теории картельных партий мы начали с проекта, призванного классифицировать изменения в организационной структуре партий в сложившихся демократиях с 1960-х гг., а не с каких-либо предварительных рассуждений о том, чем на самом деле являлись эти изменения.

Кроме того, не планируя проект для проверки конкретной теоретической модели, мы сознательно пытались собрать такие данные, которые подошли бы для тестирования широкого круга гипотез, полученных из столь же широкого круга теоретических построений — причем не только наших собственных, но также и тех, которые будут выдвигаться неизвестными будущими исследователями. И несмотря на то что гипотезы, которые мы сами предлагали для объяснения наблюдаемых нами трендов, явным образом начинали подходить не только к тридцатилетнему периоду, охватываемому собранными данными, и не только к тем одиннадцати странам Западной Европы (и Соединенным Штатам), изначально включенным в проект, пределы применимости таких предположений, как «ослабление связей между партиями и гражданским обществом», касались главным образом западноевропейского контекста. В этом случае, например, ослабление связей понималось как соответствующее ожиданиям в отношении массовых партий; следовало ли ожидать аналогичного ослабления в случаях, когда эти связи в принципе не были достаточно сильны, еще предстояло проверить.

Однако, несмотря на то что разработанная нами впоследствии теория рассматривала партийные организации в общем смысле, выбор конкретно-

организации индивидуальной партии, и в каждой из них насчитывалось несколько более специфических подгипотез. Эти две общие гипотезы основывались на одном и том же анализе развития современных демократий и, подкрепляя друг друга, служили причиной перехода к картельной модели в политике. Взятые вместе, эмпирические гипотезы, гипотетический каузальный процесс и интерпретация, содержащаяся в картельной модели политики, составили единую концепцию картельных партий.

6. Panebianco 1988.

7. Фраза Роккана цит. по: Flora 1986: v.

го аспекта партийного развития, сделанный нами в первоначальных работах, определялся не столько наличием информации в нашей базе данных, сколько интуитивной, априорной оценкой его относительной важности. Мы имеем в виду такой аспект, как растущую во многих странах зависимость партий от государственных финансовых субсидий. Хотя мы безусловно рассматривали ее как одну из ожидаемых реакций на условия, лежавшие, по нашему предположению, в основе процесса картелизации, более поздние аналитики⁸ — как и мы сами — могут быть обвинены в рассматривании такого рода предварительного положения в качестве ключевого показателя картелизации⁹. Помимо вопроса о наличии данных, такой акцент на финансировании партий отражал нашу изначальную предпосылку об отдельных партиях как единице анализа, а также подтверждал динамику партийных организаций и баланс влияния между тем, что мы ранее определили как «три лица партийной организации»¹⁰, в рамках которых отдельные партии предстали в качестве главного *экспланандума*. Этот акцент казался нам значимым в силу неожиданно большого (с точки зрения как размаха, так и стоимости) объема субсидий, который мы начинали фиксировать в ходе проекта. В целом, однако, целью первоначальных работ было включение в анализ — в значительной степени одним размытым названием и средствами одной широкой концепции — огромного числа наблюдаемых нами эмпирических явлений.

Первые статьи были нацелены также на ограждение наших концепций партий от господствующего в научном дискурсе и явно чрезмерного педалирования понятия *массовой партии*¹¹. Известно широко распространенное убеждение в том, что большинство партий могут быть классифицированы как массовые партии или — в более новой терминологии — как *catch-all партии*. Это была не только ключевая эмпирическая, но и ключевая нормативная модель: многие ученые были убеждены в том, что партии *должны* быть именно такими, так самоорганизовываться и так себя вести; партия по существу и по определению считалась слабой или несостоятельной в той мере, в которой она не отвечала стандартам массовой партии. Критическая оценка Филиппа Шмиттера роли партий в посткоммунистической Европе является полезным, хотя и несколько запоздалым, примером такого стиля мышления¹². В первых статьях мы попытались показать, что процесс организационного развития и адаптации был более разнообразным, более гибким и более открытым, чем позволяет показать эта узкая концепция.

В оригинальной работе были также некоторые ограничения, в частности, в отношении того, как мы пытались объяснить изменения партий. В 1992 г. практически все внимание в нашем объяснении партийных изме-

8. См., напр.: Pierre et al. 2000 и Scarrow 2006.

9. Расширенный, хотя и до сих пор недоработанный, список индикаторов, который мог бы быть использован для исследования картельной партии см. в нашей дискуссии по импликации гипотезы.

10. Katz, Mair 1993.

11. Katz, Mair 1993; 1995

12. См. рассмотрение тезиса Шмиттера в Bartoini, Mair 2001.

нений обращается на внутренние факторы, будь то социальные, политические или институциональные. Однако в ретроспективе становится ясно, что влияние внешних факторов, проистекающих из мира международной политики и экономики, необходимо также принимать во внимание. В начале 1990-х гг. экономическая глобализация начала считаться серьезным ограничением, влияющим на способность всех правительств управлять экономикой. В 1989 г. Берлинская стена рухнула, и наступил конец Холодной войны. Менее трех лет спустя, в феврале 1992 г., государства — члены Европейского Союза подписали Маастрихтский договор. В январе 1995 г. была создана Всемирная торговая организация. Этот короткий период знаменует собой важную веху в развитии демократической политики; он оказал глубокое и еще в значительной степени недооцененное влияние на конфигурацию внутренней политики в большинстве европейских стран, изначально изучаемых нами. И хотя Маастрихтский договор касался только Европейского союза, очевидно, что последствия краха советской империи и глобализации ощущались практически повсеместно.

Главным следствием этих изменений было существенное снижение ставок в традиционной избирательной конкуренции в результате, во-первых, уменьшения воспринимаемой остроты идеологического раскола между левыми и правыми, лежащего в основе большинства западных партийных систем и, прямо или косвенно, подпитываемого идеологическим расколом времен Холодной войны; во-вторых, передачи контроля и компетенций наверх к технократической и непартийной системе Европейского Союза; в-третьих, даже после передачи полномочий Европейскому союзу или ВТО, подчеркивания того, что при новой системе компетенций традиционно занимавшие центральное место политические проблемы инфляции и безработицы стали теперь неподконтрольными национальным правительствам, а следовательно, и партиям, которые составляли эти правительства.

Все эти три перемены способствовали дальнейшей *деполитизации*, следовательно — и это самый важный аргумент в пользу картелизации — сделали партийное сотрудничество и сговор гораздо более легким занятием. Сговор, который, очевидно, является важным элементом теории картельных партий, становится легче при снижении конкурентных ставок, которое, в свою очередь, объясняется — по крайней мере частично — событиями на международном уровне, незатронутыми в первоначальной статье.

Подводя итог вышесказанному, можно заметить, что концепция «картельной партии» изначально была предложена в качестве средства привлечения внимания к формам межпартийных сговоров, сотрудничества и конкуренции; как способ подчеркивая влияния государства на развитие партий. Картельная партия — это предполагаемый тип, возникающий в демократических странах, характеризующихся как взаимопроникновением партии и государства, так и склонностью к межпартийному сговору. С развитием картельных партий политические цели становятся самореферентными, профессиональными и технократическими; реальные остатки межпартийной конкуренции становятся сосредоточенными на действенном

и эффективном управлении государством. Конкуренция между картельными партиями все меньше фокусируется на различиях в политических курсах и программах и все в большей — в соответствии с идеей Бернара Манена об аудиторной демократии — на предложении зрелища, привлекательной картинки, театра¹³. Более того, с появлением картельных партий способность к решению общественных проблем все меньше и меньше анонсируется в борьбе политических партий. Избирательные кампании, проводимые картельными партиями, являются капиталоемкими, профессиональными и централизованными; они основаны на принципе серьезной зависимости от числа финансовых субсидий и других льгот и привилегий. Внутри самой партии различие между ее членами и теми, кто в ней не состоит, размывается, поскольку посредством праймериз, электронного голосования и тому подобных вещей, партии привлекают всех своих сторонников, членов или нет, для участия в организационной деятельности партий и отборе кандидатов. Более того, именно благодаря участию в таких мероприятиях, как праймериз, граждане стали определяются как сторонники партии.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕОРИИ КАРТЕЛЬНОЙ ПАРТИИ

Как отмечалось выше, тезисы первой статьи о картельных партиях достаточно часто становились предметом цитирования и обсуждения в течение последнего десятилетия, что, безусловно, очень приятно. Но нашлось место и суровой критике, не в последнюю очередь от Коола, сыгравшего важную роль в первоначальном сборе данных для проекта, и Китшельда; некоторые из этих критических замечаний имели отношение к сути дела, другие не являлись существенными¹⁴. Вместо того, чтобы вновь вернуться к критике, на большую часть которой мы ответили в другом месте¹⁵, пожалуй, было бы более полезным деконструировать саму концепцию и остановиться на отдельных ее элементах.

Хотя мы не начинали сбор данных по проекту партийной организации с конкретной гипотезы или теории, наше внимание было обращено к серии практических изменений, которые оказались поразительно распространенными повсюду и в целом оставались почти незамеченными. Двум из них, в частности, необходимо уделить особое внимание.

Первым таким событием стало очевидное движение партий в сторону государства в том смысле, что партийная организация становится все более зависимой от правил и законов, установленных правительством, а сами партии более очевидно занимают предназначенными им институциональные роли. Однако большинство теоретических концепций, осмыслявших тогда партийные организации и их развитие, а особенно массовые и catch-all пар-

13. Манен 2008: 271–290.

14. Koole 1996; Kitschelt 2000.

15. В частности, Katz, Mair 1996; Blyth, Katz 2005. Более детальное оспаривание критики и альтернативные интерпретации стали предметом исследования в статье, которая сейчас находится в подготовительной стадии.

тии, считали общество ключевой движущей силой и местом, где лучше всего было искать объяснения изменения партий. Безусловно, имелись и исключения из этого общего подхода. Вольфганг Мюллер (Müller 1993) написал интересную и спорную статью о том, как установленные государством правила повлияли на развитие партий и партийных систем, а Отто Киркхаймер (Kirchheimer 1957), хотя это было не сразу замечено нами, обращал внимание на так называемый «государственно-партийный картель», но его объяснительные конструкты, так же как и в случае catch-all партии, были выстроены скорее на социальной и экономической, чем на интересующей нас институциональной основе. В нашей первой статье не было ссылок на первый случай употребления термина «картельная демократия»¹⁶ у Аренда Лейпхарта, но куда более серьезным недостатком было отсутствие в ней упоминания о разработках Киркхаймера, в которых он указывал — уже в 1950-х гг. — на чересчур близкие отношения партий и государства¹⁷.

Экспансия со стороны государства и правительства включают теперь уже тщательно изученную, но тогда еще малоизвестную практику государственных субсидий, состоящую в использовании значительных государственных средств для финансирования партийных организаций и партий в парламенте; развитое и все более общее партийное законодательство, зачастую сопровождающееся введением государственных субвенций и устанавливающее порой жесткие условия по поводу запрещенных и разрешенных способов партийной организации; правила, касающиеся общественного и иногда коммерческого вещания и средств массовой информации, которые становятся ключевыми ресурсами для проведения кампаний и партийной публичности; доступ к правительству, которым пользовались все партии и который быстро служил источником покровительства и поддержки; а также доступ к должностям в правительстве, который, как мы отмечали, становился все более привычной практикой — уже к концу 1980-х гг. оставалось не так много партий, которые не имели недавнего опыта работы в правительстве на национальном уровне.

Эти признаки движения партий к государству являются одним из наиболее ярких открытий, эмпирически установленных в первоначальном проекте, и они подтолкнули нас к выдвиганию ряда гипотез или выводов, которые впоследствии пригодились в концепции картелей. Во-первых, мы обнаружили, что партии зависят от государства гораздо сильнее, чем думалось ранее, и это было важным и бесспорным новым открытием. Более того, оно является важнейшей первой предпосылкой в формулировке тезиса о картельной партии и теперь не ставится под сомнение.

Однако последующие выводы, сделанные из этого неоспоримого открытия, были более уязвимы. Во-первых, если партии все подвергались все

большему влиянию со стороны государства и сближались с ним, то, согласно нашей метафоре, это означало их отдаление от общества. В первоначальной статье это предположение было очень четко проблематизировано, но не было исследовано тщательно. Более поздние данные, всесторонне рассмотренные в сборнике «Партии без партийцев»¹⁸ под редакцией Рассела Дж. Далтона и Мартина П. Ваттенберга, подтвердили обоснованность этой гипотезы демонстрацией *inter alia* резкого сокращения численности членов партий в 1990-е гг.¹⁹, постоянным снижением уровня партийной идентификации и все более непредсказуемым, но тем не менее выраженным падением явки избирателей. Во-вторых, если партии находились под сильным влиянием со стороны государства и чаще обращались к институтам государства, то вполне резонно, что они начали походить друг на друга. На межпартийной основе организовано ресурсное обеспечение партий, в том числе доступ к средствам коммуникации, основные источники финансирования, внутренние организационные формы и способы адаптации к партийному законодательству и все более распространенный опыт занятия государственных должностей. Иными словами, говоря о деятельности и опыте партий, мы начинаем рассуждать в терминах «партий» или «партийной системы», а не какой-то отдельной партии. Надо отметить, что влияние государства на партии было лишь одним из целого ряда факторов, под действием которых партии начали походить друг на друга и приобретать схожие организационные черты²⁰. Другими такими факторами были необходимость обращения к схожим или пересекающимся группам избирателей и использования одних и тех же избирательных технологий. Адаптация к партийному законодательству, требования государственных субвенций и острая необходимость захвата государственных должностей также имели важное значение, но о них, как правило, забывали упомянуть в специальной литературе²¹. В-третьих, вопреки тому, что партийная зависимость от государства усиливалась за счет государственного регулирования и т. п., это не означает, что партии подвергались влиянию чего-то, что было им полностью экзогенным. Так, правила, регламентирующие деятельность партий, разрабатывались в том числе ими же самими, поскольку партии как правящие силы, принимали непосредственное участие в написании законов. Признание этого обстоятельства позволяет нам рассматривать партии не только как объекты, но и как субъекты. Более того, они являются уникальными субъектами в том смысле, что имеют возможность разрабатывать свою собственную правовую (и не только) базу и фактически сами назначать себе оклад²².

18. Dalton, Wattenberg 2002; также Майр 2006.

19. Mair, van Biezen 2001.

20. См.: Epstein 1967.

21. Недавние оценки растущего влияния европейского регулирования на партии и режимы их организации и кредитования — процесса, который уже получил названия «скрытой европеизации» — см.: Walecki 2007.

22. «Новый политический класс как перераспределительный класс занимал привилегированное положение в двух отношениях: будучи единственным сектором элиты,

16. Лейпхарт использовал голландское выражение «karteldemocratie» для перевода «depoliticized democracy» (деполитизированной демократии) в голландском издании своей классической работы 1968 г. о голландской политике; см.: Lijphart 1968.

17. См., напр.: Krouwel 2003; 2006: 258–260.

Учитывая вышесказанное, можно ожидать, что партии будут сотрудничать друг с другом, и этот процесс будет неизбежен, если принять общие правила игры для всех партий и установить систему государственного финансирования. И это, безусловно, является лишь небольшим шагом от рассмотрения сотрудничества и согласованности действий к рассмотрению непосредственно сговора. Напомним, что высказанные соображения исходят из эмпирических наблюдений, показывающих, что партии стремятся к государству. Поэтому, несмотря на то что наши теоретические выкладки все также могут быть оспорены, сделанные изначально наблюдения тем не менее остаются в силе.

С самого начала мы понимали партийные организации как нечто близкое политической системе и состоящее из трех важных составных частей или «лиц»²³. Такой подход несколько отличался от ранее используемых в обсуждении партийных организаций тем, что не ограничивался простым различием парламентских и непарламентских партий. Он больше походил — впрочем, не повторяя ее полностью, — на трехчастную модель американских партий В. О. Кия, предполагающую существование партии как организации, правящей партии и партии как избирательного объединения²⁴. Нашей целью было исследование самих партий и в основном таких партий, которые (в отличие от американских) имели формальное членство, поэтому мы выделили такие лица партии, как партия публичной власти (the party in public office, PPO), предполагающая присутствие партии в парламенте и правительстве; партия во власти (the party in central office, PCO), состоящая из постоянной бюрократии, национального исполнительного органа и т. д.; и партия на местах (the party on the ground, POG), предполагающая наличие местных членских организаций. Мы ожидали, что баланс между тремя состояниями достаточно размыт, и собранные данные подтвердили это. Таким образом мы пришли ко второму несомненному выводу: в устоявшихся демократиях, составивших нашу выборку²⁵, именно первое лицо партии (партия публичной власти) получило наибольшую степень влияния, измеряемой изменением локуса принятия решений и распределением внутренних ресурсов (финансов, персонала и пр.)²⁶.

Это открытие помогло нам сформулировать дополнительную гипотезу, которая вошла в концепцию картельной партии и, конечно, вызвала большие возражения. Так, подчеркивались исключительно эгоцентрические интересы тех акторов, которые реально занимают государственные долж-

ности от имени партий и которые, как политики и управленцы, описанные Теодой Скочпол, «имеют собственные идеи и организационные и профессиональные интересы, поэтому их политическая деятельность скорее будет способствовать дальнейшему продвижению этих идей и интересов или, по крайней мере, не будет вредить им»²⁷. Наша гипотеза была и остается достаточной простой: поскольку первое лицо партии, объединяющее ее представителей в публичной власти, завоевывает влияние внутри партии, его собственные интересы начинают рассматриваться как интересы партии в целом. Кроме того, хотя на первый взгляд может показаться, что интересы партии публичной власти заключаются исключительно в избирательной победе, на наш взгляд, они придают такое же значение и максимально возможному сокращению издержек поражения. В конце концов, *всегда* выигрывать почти невозможно. Мы также предположили, что такое распределение интересов будет наблюдаться для всех партий публичной власти во всех основных партиях. А это, в свою очередь, может способствовать возникновению системы взаимного сотрудничества, которая должна при нормальных обстоятельствах привести к возникновению равновесия Нэша: равновесия или компромисса, изменение которого не выгодно ни одному из участников.

Суммирование обеих гипотез и вытекающих из них следствий приводит нас к следующим выводам. Во-первых, партии все больше становятся частью государства и все больше отдаляются от общества, и эта новая ситуация поощряет или даже принуждает их к сотрудничеству друг с другом. Они могут проводить совместные финансовые проверки при наличии взаимного согласия. Во-вторых, партии сближаются, все больше походя друг на друга; избиратели, политические программы, цели, стили разделяют их все меньше и меньше; партийные интересы становятся гораздо более общими, что также способствует сотрудничеству. Очень важным пунктом, определяющим кооперацию, является оценка партиями издержек проигрыша, и в этом смысле им крайне важно найти такое равновесие, которое удовлетворит их собственные «частные» интересы. В этом также заключается кооперация, вне зависимости от того, явные и сознательные формы она принимает или нет. То есть, даже если партии могут и не склоняться к открытой сделке друг с другом, их взаимного осознания общих интересов, чувства локтя, нахождения в одной лодке и опоры на тот же вид ресурсов достаточно для того, чтобы мы установили гипотетический сговор (или его функциональный эквивалент) и, соответственно, поведение картельного типа.

Хотя идея картеля предполагает согласованные действия, этот термин не подразумевает фактический заговор в процессе преобразования в картельную партию, и в этом смысле выбор обозначения может быть несовершенным. Скорее, как хорошо известно всем, кто связан с законодательством в отношении антиконкурентной политики в экономике, можно создавать эффект сговора без каких-либо незаконных связей или тайной координации. На олигополистическом рынке, к которому избирательный рынок с горст-

способным самостоятельно определять свой доход; и организуя государственную поддержку тем организациям, которые привели его к власти, т. е. партиям». Von Weyme 1996: 149.

23. Katz, Mair 1993.

24. Key 1964: 164.

25. Здесь важно сделать одно уточнение. Как показала Ингрид Ван Бьезен, внутренний баланс партийных сил заметно отличается в ряде более слабых партий, появившихся в посткоммунистических демократиях. Biezen 2003.

26. Katz, Mair 2002.

27. Skocpol 1992: 40.

кой участников, получающих почти все голоса, достаточно близок, открытая подача сигналов о сговоре может производить практически тот же результат, что и тайный заговор.

Понятие «картеля» также предполагает рассмотрение межпартийной или системной динамики и, в частности, различий между игроками, входящими в картель, и теми, кто в него не входит. Первоначальная идея заключалась в том, что участие в картельном поведении, ограничивающем конкуренцию с другими партиями, будет одновременно и облегчать, и — по крайней мере до определенной степени — требовать конкретных изменений в партийных механизмах внутреннего функционирования, позволяющих партии принять необходимые для картеля организационные формы. Таким образом, даже если можно аналитически разделить понятие картеля на партийный картель как системную характеристику и партийный картель как аналог массовой партии или catch-all партии, они все равно остаются тесно взаимосвязанными²⁸.

Внимание к системной или межпартийной составляющей выдвинутой нами идеи требует дальнейшего уточнения, а именно — указания круга партий, стремящихся попасть в число картельных. Иногда мы называли их «правлящими» («governing») партиями²⁹. К сожалению, на практике эта фраза оказалась несколько двусмысленной; что она точно *не* должна была обозначать, так это те партии, которые входят в правительство (обладая министерскими портфелями или их эквивалентами) в данный момент времени. В содержание понятия не обязательно входят все партии, которые могут теоретически рассматриваться как потенциальные партнеры по коалиции (т. е., которые не были лишены возможности войти в правительство по *априорным* основаниям³⁰) или те, которые участвуют в *любых* субнациональных правительствах; однако оно распространяется на все партии, которые имеют достаточно оснований ожидать возможного включения в национальную правящую коалицию или получения значительной доли (определенной количеством, объемом и диапазоном компетенций) субнациональных правительств в обозримом будущем. Кроме того, хотя картель предполагает ограниченную конкуренцию, это относится скорее к природе конкуренции, а не к отсутствию явки избирателей — к вопросу о том, есть ли разница, кто победит, а не о частоте, с которой разные партии выигрывают. И отсутствие ожиданий по поводу потери голосов будет серьезным фактором, препятствующим формированию картеля. Так, в начале 1990-х гг. казалось, что американские республиканцы обречены на то, чтобы оставаться вечной оппозицией в Палате представителей, но «Контракт Ньюта Гингрича с Америкой» сыграл решающую роль в разрушении картеля демократов и республиканцев в Сенате по поводу президентской политики. С другой стороны, замена миноритарного либерального правительства Мартена

28. Katz, Mair 1996.

29. Katz 2002; 2003.

30. Одной из предполагаемых характерных черт картельной системы является минимизация важности различия между пребыванием у власти и периодом

миноритарным консервативным правительством Харпера после канадских выборов 2006 г. может в конечном счете привести к картелизации, а не к увеличению конкуренции, что противоречит логике картельной модели.

ЗНАЧЕНИЕ КАРТЕЛИЗАЦИИ

После описания происхождения термина и прояснения спорных моментов с опусканием предыстории различных вариаций картельной модели основной тезис можно сформулировать довольно кратко. По крайней мере с 1970-х гг. преобладающей формой организации партии в большинстве демократических стран было то, что Отто Киркхаймер назвал catch-all партиями³¹. Но несмотря на то что связи — формально-организационные и аффективные — между отдельными партиями и социальными группами по-прежнему сохраняются, сила этих связей заметно ослабла. Партии все чаще считались и сами считали себя посредниками между социальными группами, а также между социальными группами и государством, переставая быть политическим оружием конкретных социальных общностей. Идеологические конфликты постепенно свелись к аморфным различиям в левой — правой ориентации. Важной составляющей избирательной конкуренции стало предоставление государственных услуг: партии стремятся получить поддержку избирателей, обещая увеличение государственных услуг (как правило, слева) и снижение налогов (с правого фланга), а ради получения поддержки потенциальных спонсоров они готовы специально разработать особенное законодательство, которое нередко приводит к снижению качества управления или сокращению налоговых сборов.

Эта ситуация ставит перед партиями три взаимосвязанных класса задач, одни из которых могут быть охарактеризованы как преимущественно экзогенные, тогда как другие были в значительной степени результатом действий, предпринятых самими партиями в прошлом. Первое заключается в том, что снижение накала классовых и других субкультурных конфликтов и повышение однородности жизненного опыта и социальных ожиданий подавляющего большинства граждан, связанные с возникновением массового общества и «государства всеобщего благосостояния» (средства массовой информации и массовая культура, массовое образование, почти всеобщее медицинское и пенсионное обеспечение, а также страхование по безработице), привели к снижению ценности призывов к классовой или культурной солидарности. Одновременно с этим процессом проходило то, что Рональд Инглхарт и Рассел Далтон определили как «когнитивную мобилизацию», способствовавшую общему снижению аффективной привязанности к партиям *per se* в ходе процесса партийной *переориентации*, т. е. падения лояльности избирателей к политическим партиям и роста политической независимости³². От формального членства в партии отказались также, как от пар-

31. Kirchheimer 1966.

32. Inglehart 1990; Dalton 1984.

тийной психологической идентификации. С другой стороны, участники избирательного процесса (члены партии, партийные избиратели, организационные спонсоры) стали менее надежными.

Во-вторых, более широкое использование средств массовой информации как наиболее эффективной формы агитации, а также сопутствующее увеличение потребности в профессиональных знаниях (включающих опросы общественного мнения, рекламные консультации, прямую почтовую рассылку и маркет-методы), подготовило рост экономических издержек сохранения конкурентоспособности, прогрессирующий более быстрыми темпами, чем партии на местах были готовы или хотели бы обеспечить. Первоначальная реакция на внимание к организациям, выражающим интересы различных социальных групп (прежде всего профсоюзам), и корпорациям также начала достигать пределов готовности партии платить, по крайней мере в отсутствие *quid pro quo* желаний защищаемой стороны. Эти изменения также означали, что прибыль, получаемая ранее партиями на местах (например, за счет труда добровольцев в проведении кампаний или опросах общественного мнения), становится относительно менее ценной для партии во власти по сравнению с медиа-пространства или информацией, собираемой профессиональными социологами.

В-третьих, если предположить, что существует реальный предел, за которым предоставление общественных благ невозможно расширить, не создав финансового кризиса, то правительства многих «государств всеобщего благосостояния», по-видимому, загнали себя в такой угол, из которого действительно некуда бежать, и даже дополнительное увеличение налогов приведет лишь к сокращению предоставляемых услуг³³. Более того, государственный долг, накопленный за время откладывания решения этой дилеммы, угрожает превратить налоговые структуры, изначально предназначенные для перераспределения доходов от богатых к бедным, в инструмент перераспределения общественного богатства от производительных элементов общества к держателям облигаций.

В этот список может быть также добавлено одно дополнение несколько иной природы. Так как политика становится все более специализированной профессией, потенциальные личные издержки поражения на выборах или партийного сокращения возрастают. Кроме того, обособление партий от вспомогательных организаций и организаций, отстаивающих интересы различных социальных и профессиональных групп, которые были характерны для *catch-all* партии, продвинулось настолько сильно, что привело к сокращению рабочих мест в этих организациях для политиков, которые (если воспользоваться театральным эвфемизмом) делали в них передыш-

33. Конечно, как показал Деринг (Doering 1987) более 20 лет тому назад и как свидетельствует сокращение социальных расходов во многих странах в последние годы, то, что кажется политически незыблемым, подвержено переменам со временем. Но когда такие сокращения становятся неизбежными независимо от того, какая партия в данный момент находится у власти, все остальные заинтересованы в том, чтобы сделать прежде немислимое приемлемым.

ку между спектаклями. Проще говоря, когда политика является основным источником дохода лица, ставки в его игре повышаются³⁴. Одно из следствий этого заключается в переориентации партийной рациональности с максимально ожидаемого (в среднем) выигрыша или вероятности победы к максимизации разумно оцениваемого минимального выигрыша (к максимину). Важно отметить, что все основные партии могут делать это одновременно. В дополнение к ослаблению идеологических различий среди основных партий подтвердился известный французский афоризм о том, что «между двумя депутатами, один из которых является революционером, а другой нет, меньше разницы, чем между двумя революционерами, один из которых является депутатом»³⁵.

Эти проблемы являются общими для всех правящих партий и создают условия для формирования того, что фактически является картелем, в котором участвующие стороны договариваются служить совместным интересам для обеспечения собственной безопасности и выживания. Касательно отношений между самими партиями можно выделить два основных аспекта. Первый касается политики ограничения конкуренции, которая в сочетании с политикой обещаний создает эффективные стимулы для существования экономического картеля. Доказательством служит совместное стремление решать вопросы вне области партийной конкуренции путем перенесения их в неполитическое пространство, например, в независимые банки, суды, комиссии ЕС, путем приватизации ранее государственных функций (например, реформы пенсионной системы и здравоохранения), а также все более широкого принятия различных моделей управления³⁶, нового государственного управления³⁷ и регулятивного государства³⁸, во всех из которых вопросы технического и управленческого характера доминируют над ценностями и политическими предпочтениями. Даже при наличии проблем, которые явно не исчезли из области партийных дискуссий, картельные партии ограничивают их остроту, стараясь просто избегать многих популистских и демагогических вопросов, а ряд предложений, принимаемых по этим вопросам, принципиально ограничивается соображениями «реализма» и «ответственности».

Второй аспект связан со стремлением решить проблему дефицита внутренних ресурсов перед лицом требований современной политики и смягчить риски избирательного поражения путем сокращения ресурсной диспропорции уравнивания доступа правительственных и неправительственных партий к государственной казне. В отношении первого вопроса можно отметить появление значительных государственных субсидий, которые в одних случаях помогают заполнить пробел между традиционными источниками дохода партии и ее предполагаемыми потребностями, а в других—

34. Borchert 2000.

35. Jouvenel 1914: 17.

36. Pierre 2000.

37. Osborne, Gaebler 1992; Kettl 2000.

38. Majone 1994.

способствуют замещению частных взносов. В отношении второго вопроса, сложившаяся ранее система, в которой партии правящей коалиции пользуются ресурсами государства — способность производить назначение на должности (и, возможно, «получать свое» от назначенцев), использование исследовательского потенциала государственной службы и т. д., — в то время как другие партии оказываются предоставлены самим себе, вытесняются механизмами, позволяющими всем участникам картеля получить свою долю, и тем самым уменьшая разницу между теми, кто находится у власти, и теми, кто у нее не находится, с точки зрения денежной выгоды.

Картели сталкиваются с двумя потенциальными угрозами. Одной, как указывал Герберт Китшелд, является нарушение негласных договоренностей³⁹. Другой — вызов, создаваемый новыми участниками. В этом случае дополнительным аспектом деятельности картеля становится структурирование режима финансовых субсидий, доступа к голосованию и средствам массовой информации таким образом, чтобы предотвратить появление возможных вызовов со стороны новых участников⁴⁰. Более того, поскольку партии не являются монолитными субъектами, руководители партий публичной власти (с подачи которых создавалась эта модель) сталкиваются не только с угрозой нарушения соглашений или вызовами со стороны новых партий, но также с давлением или угрозами внутри своей собственной партии. В ответ на эти вызовы партии демонстрируют тенденцию превращаться в картели с точки зрения своей внутренней структуры. Один из аспектов этого преобразования уже был отмечен: обращаясь к государственным субсидиям, партии (то есть их лидеры) становятся зависимыми от членов и других участников. Вторым аспектом является регулируемое ослабление партийных активистов на местах, которые с высокой степенью вероятности будут выдвигать политические требования, несовместимые с «ограничением торговли» в политике, подразумеваемой в модели картеля. И хотя целью преобразований является своего рода партийная олигархия, средством по иронии судьбы (или нет, в зависимости от субъективного прочтения железного закона олигархии по Михельсу⁴¹) может стать внешняя демократизация партии путем внедрения внутри нее голосования по почте или проведения массовых митингов членами партии, в ходе которых незна-

39. Kitschelt 2000. Хотя Китшелд прав, полагая, что картельные партии всегда имеют дело с угрозой несоблюдения соглашений, он ошибочно связывает эту проблему с дилеммой заключенного, по меньшей мере в той ее части, которая относится к концепции картелей. Проблема скорее близка к «трагедии общинного», когда краткосрочная максимизация собственного блага со стороны каждого предсказуемо приводит к краху для всех. В этом аспекте возвращение ответственности к непартийным организациям может быть интерпретировано как вид внутреннего принуждения, который рациональные эгоисты могут применить к себе в случае, если этим действием также связываются и другие игроки (см., напр.: Олсон 1995; Elster 2000). Подробнее о том, почему использование дилеммы заключенного здесь неуместно, см.: Blyth, Katz 2005.

40. Bischoff 2006.

41. Michels 1962 [1911].

чительные партийные фигуры или рядовые сторонники — большую часть времени молчащие, не имея возможностей для предварительной независимой организации, и склонные ориентироваться на определенных лидеров, а не на некоторую политику, — получают доступ к связи и заглушают активистов. Третий аспект заключается в централизации и профессионализации (в частности, материальная заинтересованность и занятость, а не партийная лояльность или идеология как основа привязанности), и даже в конечном счете аутсорсинге избирательных кампаний и прочих функций центрального аппарата партии и партии на местах, происходящем опять-таки в результате освобождения руководства от ограничений снизу⁴².

Модель картеля еще больше цементирует отношения между партиями и государством. С исключением значительной политической конкуренции, будь то в рамках картелей, или из-за внутреннего финансового и политического характера, или из-за все более мощных межнациональных ограничений, партийные представители начинают превращаться в апологетов и защитников политики, которая в общем смысле может быть названа политикой государства в целом, а не политикой той или иной партии или коалиции. Более того, в качестве частичной платы за государственное финансирование, партиями также принимается растущий свод правил и ограничений их деятельности и структуры, причем эти ограничения придумывают они сами. Таким образом, партии выходят за рамки модели регулирования общественной полезности, разработанной ван Бьезеном, чтобы стать, по сути, полноправными государственными институтами⁴³.

Наконец, важно подчеркнуть, что картельная партия остается идеальным типом, к которому можно приближаться, но который никогда не будет полностью осуществлен, — точно так же, как никогда не существовало партий, которые полностью соответствовали бы идеальному определению массовой или catch-all партии. Даже несмотря на это, однако, необходимо описать две силы, сдерживающие картелизацию партий. Во-первых, хотя процесс картелизации сам по себе не является демократическим, партии, даже в картельной модели — или, возможно, *особенно* в картельной модели — оправдывают

42. Одно из следствий всего этого заключается в следующем: хотя приписывание партиям функций, вроде поддержания связи между гражданами, социальными группами и государством, в контексте теории о том, как демократические правительства *должны* работать, может быть оправданным, далеко не всегда оправданно полагать, что партии (или их лидеры) придают выполнению этих функций наибольшее или даже просто большое значение по сравнению с другими потенциальными целями (вроде личной власти или гарантий занятости/экономической защищенности). Что касается партийных финансов, то суть не в том, что государственные субсидии *осложняют* поддержание этих связей для партий (например, «значительная зависимость от государства в вопросах финансирования приводит к эрозии способности партий поддерживать связь между государством и обществом». Young et al. 2005), а в том, что они ослабляют *необходимость или желание* партий поддерживать такую связь и тем самым приводят к тому, что партии справляются с поддержанием такой связи хуже, чем прежде, даже если их гипотетическая способность для этого возрастает благодаря доступу к дополнительному финансированию.

43. Biezen 2004; см. также: Epstein 1986.

свое существование и свои претензии на государственные ресурсы по факту их вклада в демократию, и именно в этом смысле они зачастую оказываются уязвимы для критики. С одной стороны, картелизация, безусловно, способствовала росту популистских анти-картельных партий, которые прямо влияли на общественное восприятие, объясняя, что базовые партии безразличны к интересам простых граждан. Такие партии получили заметную известность и поддержку в последнее десятилетие⁴⁴. Они указывают картельным партиям на опасность чрезмерной или чересчур явной картелизации. С другой стороны, картельным партиям также приходится быть внимательными к потенциальной возможности того, что их станут воспринимать в качестве нарушителей норм демократической справедливости. И хотя можно было бы ожидать определенного уровня неискренности в оправдательной риторике партий, стремящихся выдать свои интересы за интересы общества в целом, в условиях наличия агрессивной свободной прессы будут существовать реальные ограничения на создание партиями институциональных перекосов в их пользу, не создавая еще больших политических издержек.

Вторым сдерживающим фактором является то, что, хотя партии посредством парламентского большинства создают правила, которыми регулируют их собственное поведение и устройство, правила входа на политический рынок и выделение государственных ресурсов, они не делают этого в условиях полной автономии. Совершенно очевидно, что они связаны конституционными ограничениями, усиливающимися по мере усиления роли судов. Так, хотя в соответствии с логикой картеля можно ожидать, что правящие партии будут самостоятельно ограничивать собственный доступ к государственному финансированию (как это было сделано на американских президентских выборах), Федеральный конституционный суд Германии обязал немецкие партии обеспечить государственное финансирование не только для партий, прошедших пятипроцентный барьер на выборах в Бундестаг, но и для всех партий, которые добились хотя бы одной десятой от этого результата. Аналогичным образом в деле Фигьеро против Канады Верховный суд Канады отменил положение закона о выборах, предусматривавшее, что партия должна иметь кандидатов по крайней мере в 50 избирательных округах для того, чтобы зарегистрироваться как партии; это требование перекрывало воздух большинству мелких партий или заставляло их выдвигать кандидатов, которые не намеревались всерьез участвовать в избирательной гонке.

ВЫВОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ

Спустя двенадцать лет после публикации первоначальной статьи, тенденции, на которые мы обратили внимание, стали более отчетливыми, что только подкрепляет, а не опровергает общую мысль. Это особенно справедливо для поведения сложившихся партий, которые все ближе и ближе подходят к нарисованному нами шаблону — как в плане организационно-

партийной стилистики, так и в форме конкуренции. Независимо от того, принимается ли тезис о картеле во всей его полноте или нет, очевидно, что растущая инкорпорация партий в государство, все большее сходство их целей и устройства, а также все более зримый разрыв, который отделяет их от остального общества, способствовали росту общественного недоверия и недовольства, беспрецедентного для послевоенной истории давно устоявшихся демократий⁴⁵. Можно спорить о толкованиях картелизации, но очевидно, что популярность антикартельной риторики, часто называемой популистской, бесспорна.

Открытым остается вопрос о том, насколько картельная модель выходит за рамки концептуальных представлений о партиях и партийном правительстве, лежащих в основе понимания европейской демократии. Как уже было сказано ранее, существуют определенные сдерживающие факторы, ограничивающие способность партий развиваться в определенном нами направлении. В то же время, однако, представляется маловероятным, что партии смогут пережить обратный дрейф от государства, отделиться от него, что они каким-то образом оживят их организационное присутствие на местах. В обозримом будущем этот вариант представляется нереализуемым по крайней мере в европейской демократии. Массовая партия умерла.

Кроме того, представляется маловероятным, что партии — по крайней мере в рамках мейнстрима — вдруг откроют новые значимые идеи, способные создать основу для новой политической поляризации; а если вспомнить, какое кровопролитие часто следует за новой поляризацией классовых или религиозных вопросов, вряд ли они сами захотят это сделать. Либеральный экономический консенсус достаточно хорошо отлажен, и по многим вопросам, которые могут стать потенциальной основой для поляризации левого — правого противостояния, или ограничено пространство для маневра, или отсутствует возможность принятия решений. Помимо экономики и благосостояния за пределами в значительной степени ограниченных опций бюджетной и кредитно-денежной политики лежат иные проблемные вопросы, способные служить для организации оппозиции и отхода от традиционного классового раскола между левыми и правыми. Окружающая среда предлагает один комплекс вопросов, иммиграция — другой, международный порядок — третий. Но может ли осмысленный выбор в любой из этих отраслей быть действительно политизированным, могут ли эти отрасли стать основой для широкого обновления избирательного процесса? Более того, даже если такие вопросы были бы политизированы и оказались бы способны стимулировать возобновление общественного сотрудничества в электоральной политике, их укоренение в виде социального раскола, являющегося необходимым условием для массовой партии, практически немыслимо в современном обществе⁴⁶. Например, хотя Криези и его коллеги пылко доказывали,

45. Подробнее об этом см.: Pharr, Putnam 2000.

46. Одним из возможных исключений могут служить так называемые культурные проблемы абортов, прав геев и т.д. в США. Хотя они имеют социальную базу в рели-

44. Mudde 2007.

что новый раскол в европейской политике определяется разделением между теми, кто выиграл, и теми, кто проиграл от глобализации⁴⁷, вовсе не очевидно, что этот конфликт нашел последовательное партийно-политическое выражение и что он способен обрести стабильные формы.

И кажется, что мы остались с реальностью, определяемой набором мейнстримных партий, которые в основном неотличимы друг от друга с точки зрения их основных предложений в области политики, и которые гораздо больше похожи друг на друга с точки зрения стиля, расположения и организационной культуры, чем любая из них по отношению к избирателям в обществе. В другом месте⁴⁸ новая конфигурация партийной политики обсуждалась в контексте эрозии представительных и сохранения процедурных ролей, где также утверждалось, что в отсутствие способности сочетать обе роли партии рискуют лишиться своей легитимности. То есть, если партии не способны одновременно представлять и управлять, то им может оказаться сложнее легитимировать свое пребывание во главе правительственных институтов и присвоение государственных ресурсов.

Такое развитие поднимает еще более важный вопрос о будущих моделях партийной организации. Говоря терминами Каца, нынешняя ситуация характеризуется усилением *партийности* правительства, что отражается в высокой степени рекрутирования, выдвижения кандидатов и занятия официальных должностей — и ослаблением партийности общества⁴⁹. В правительственных органах партии зачастую преобладают; в рамках более широкого общества деятельность партии была преобразована в профессиональную машину избирательных кампаний. Партия как участник кампании пытается охватить как можно больший круг избирателей, но связи, устанавливаемые с этими избирателями, являются в лучшем случае случайными, инструментальными и краткосрочными. Они также являются совершенно прямыми в том смысле, что ослабление партий на местах сокращает дистанцию между конкурирующими группами лидеров, с одной стороны, и доступными и зачастую равнодушными избирателями, с другой. В этой версии постпартийной демократии никакого опосредования нет или же оно незначительно, а следовательно, практически не оставляет места для традиционных партийных организаций. Все, что лежит между избирателем и избранником, почти целиком исчезает, отбрасываемое разобщенными избирателями, с одной стороны, и озабоченными проведением кампаний политиками — с другой.

Эти перемены поднимают три важных вопроса или исследовательских программы для исследователей политических партий. *Первая программа* — прямое и всестороннее рассмотрение ряда эмпирических вопросов, кото-

гозных организациях, американские партии (вопреки устремлениям некоторых участников поддерживающей их коалиции) стремятся приглушить, а не педалировать эту тему.

47. Kriesi et al. 2008.

48. Майр 2006.

49. Katz 1986.

рые были подняты в связи с концепцией картельной партии. Необходимо определить эмпирические показатели, которым следует уделять больше внимания, чем это делалось до сих пор. Учитывая двойственность идеи картельной модели — то есть картельной партийной системы и отдельных партий в рамках картеля, — показатели также могут быть двух типов.

С одной стороны, существуют показатели картелизации партийной системы. Один набор этих показателей касается институтов. Происходит ли в случае с партиями переход от режимов регулирования, которые применялись ко всем объединениям в гражданском обществе, к режимам, которые обычно используются по отношению к государственным организациями и предприятиям? Происходит ли смещение в сторону большего равенства баланса государственных ресурсов, выделяемых партиям, которые в настоящее время находятся у власти, и партиям, которые могут стать, но в настоящее время не являются правящими партиями? Наблюдаем ли мы политику в отношении государственных субсидий и доступа к голосованию, которая благоприятствует партиям, входящим в картель?

Например, рассматривая вопрос о доступе к голосованию, Боулер с соавторами показали, что, как и ожидается в концепции картелей, «сегодня новым партиям сложнее получить доступ к голосованию, чем в 1960-х»⁵⁰. Субсидии, однако, стали более доступными и не только для партий, которые считаются членами картеля, но и для их соперников. Зачастую конституционные суды заставляли правящие партии идти на такие меры, чтобы сохранить субсидии для самих себя (как это имело место, к примеру, в Канаде и Германии), но следует ли рассматривать это в качестве свидетельства действий, направленных против картельного поведения? Хотя подобные случаи должны оставаться предметом субъективного толкования, по большей части оно зависит от двух эмпирических вопросов: съедались ли субсидии, выделяемые мелким партиям, возросшими затратами на доступ к участию в выборах? И было ли расширение субсидий для партий-претендентов средством «уравновешивания правил игры» (антикартельным поведением) или же мы наблюдаем «обогащение... всех партий, но куда более значительное для сложившихся партий» (картельное поведение)⁵¹?

Второй набор показателей картелизации связан с предполагаемым сужением конкурентного политического пространства. Наблюдаем ли мы конвергенцию, ту самую, о которой говорил Риккардо Пелиццо, когда общественное мнение явно двигалось в одном направлении, а позиции основных партий — в другом⁵²? Насколько успешно основные партии решали вопросы, которые угрожали вытеснить их позиции с политической повестки дня (и встречный вопрос: можно ли учитывать проблемы, которые, судя по усилиям заинтересованных групп, «должны» входить в повестку дня, но отсутствуют)? И связано ли это с предпочтением, отдаваемым партий-

50. Bowler et al. 2001: 9.

51. Bowler, Carter, Farrell 2001: 13; см. также: Katz 2006.

52. Pelizzo 2004.

ными лидерами долгосрочной стабильности перед краткосрочными преимуществами предвыборной гонки⁵³?

Пожалуй, особенно важным в отношении картелей является вопрос о сговоре или его функциональном эквиваленте. Хотя имеется немало примеров решений, соответствующих картельной гипотезе (например, помимо уже приведенных свидетельств сокращение материальной разницы между пребыванием в правительстве и в оппозиции, достигнутое в Канаде посредством резкого увеличения числа членов парламента, не представляющих правящую партию, но получающих зарплату и надбавки), может ли быть установлена координация, аналогичная координации экономических картелей? Хотя свидетельства тайных заговоров отыскать трудно (впрочем, в эпоху мемуаров всех обо всем это не является такой уж и неосуществимой задачей), тщательный контент-анализ публичных заявлений позволит увидеть закономерности, аналогичные закономерностям изменения цен, типичным для авиапромышленности.

С другой стороны, тенденции, связанные с самой картельной партией, также заслуживают дальнейшего исследования. О некоторых из них — ослабление партии на местах, сдвиг в балансе ресурсов в пользу партии публичной власти, увеличение зависимости от государства как резервуара материальных ресурсов — уже говорилось ранее. *Стратархия* будет еще одним важным признаком наличия картельной партии. Это одна из адаптивных стратегий, которые могут проводиться национальными партийными лидерами для поддержки местных организаций по причине полезности последних при проведении предвыборных кампаний и для того, чтобы в обществе не создалось мнение об упадке партии, а также для освобождения от ограничений, налагаемых этими местными организациями. Хотя Кэрин Ботом провела такой предварительный анализ для одной страны, вопрос в том, как идеи стратархии, разработанные в институциональной среде американского федерализма и президентской формы правления⁵⁴, следует понимать в совершенно иной европейской реальности.

Как уже было сказано, повышение профессионализации партийных сотрудников — не только в смысле найма профессионалов в области общественного мнения, а не низовых сотрудников, но и особенно в смысле усиления специализации партийно-политической карьеры и ее прогрессирующего отделения от других профессиональных карьер (например, сокращения перемещений между центральными аппаратами социал-демократических партий и профсоюзами, а также между центральными аппаратами либеральных партий и бизнес-ассоциациями) — является одной из возможных причин возникновения системных картелей. Установление того, насколько

53. Например, можно задаться вопросом, был ли такой проблемой процесс европейской интеграции и его продолжительное исключение из внутренних политических дебатов в Европе (van der Eijk, Franklin 2004: 47; Maïr 2007). Как показывают результаты последних референдумов во Франции, Нидерландах и Ирландии, по этому вопросу партии и большинство избирателей серьезно расходятся.

54. Bottom 2007; Eldersveld 1964: ch. 1.

эта тенденция может в принципе способствовать одним партиям, а не другим, могло бы также служить показателем близости отдельных партий к картельному типу.

Наконец, четвертым показателем будет использование плебисцитарной демократии в качестве способа принятия решений внутри самой партии. Точнее, вопрос здесь состоит в соединении трех характеристик внутренних решений: размывание границ между формальными членами и сторонниками, в частности, путем распространения первичных выборов; использование права прямого голоса, иногда просто в ратифицирующих целях, иногда — для выбора из альтернатив в голосовании за партийного лидера; рассмотрение партийных съездов и совещаний, на которых коммуникация и координация между членами/сторонниками и между ними и центром проходит в форме прямой, непосредственной и односторонней коммуникации (например, посредством прямой обычной или электронной почты), направленной из центра к членам/сторонникам.

Вторая программа исследования касается того, что и как мы изучаем в партиях. Если между избирателем и избранным отсутствуют отношения опосредования, можем ли мы и дальше продолжать воспринимать партию как организацию? Может, полезнее будет рассматривать партию как сеть? И если мы рассматриваем партии как сети, то как нам следует изучать их сохранение и выживание? И на основе какой системной логики лучше всего проводить сравнительные исследования партии? Следуя концепции картеля, партийные стратегии скорее будут определены национальными условиями, чем абстрактными или транснациональными целями или идеологиями. Перефразируя Робера де Жювенеля, заметим, что сейчас, вероятно, разница между двумя британскими партиями, одна из которых является социал-демократической, меньше, чем между двумя социал-демократическими партиями, одна из которых является британской⁵⁵. Другими словами, из концепции картеля следует, что многие из характеристик и ярлыков, которые мы сейчас используем в сравнительном анализе для идентификации партий — семья, личность, идеология, статус и так далее, — становятся все менее значимыми. Насколько понятия «левый», или «социал-демократический», или «христианско-демократический», или даже «крайне правый» сохраняют свое значение? Что они вообще говорят нам о рассматриваемой партии? Не играет ли национальный или системный контекст сегодня гораздо большую и даже определяющую роль, особенно в том, что касается более согласованного национального ответа на вызовы европеизации и глобализации?

Третья программа исследований обращается к вопросу об организации, легитимации и поддержке демократии в новых условиях. Если, как говорил Э. Э. Шатшнайдер, «современная демократия немыслима без партий», то что происходит с современной демократией, когда партии переживают фунда-

55. Jouvenel 1914.

ментальные трансформации⁵⁶? В сущности, это означает, что наиболее важным вопросом, с которым столкнутся партии в будущем, станет их легитимность и устойчивость. В 1979 г. Сюзанна Бергер предложила обзор состояния политики в Западной Европе, утверждая, что одним из важнейших вопросов, которые стояли перед Европой, был «потенциал основных учреждений политической жизни — партий, групп интересов, бюрократии, законодательных органов — в деле управления проблемами общества и экономики, их преодоления, пересмотра и переоткрытия новых общих целей»⁵⁷. В том же очерке она утверждала, что ослабление политических институтов способствовало «возникновению широкой реакции против государства, которая способствовала росту участия в политической жизни»⁵⁸. Сегодня все наоборот. Государство, в его различных формах, активно развивается, а уровень участия в обычной политике фантастически сильно упал. Сегодня этот вопрос является не столько проблемой управленческого потенциала, сколько проблемой легитимации этого потенциала, особенно со стороны партий и избранных политиков. И, учитывая крайнее недоверие, испытываемое к партийной политике в настоящее время со стороны многих избирателей⁵⁹, возникает вопрос, имеет ли смысл политическим лидерам выступать вообще в качестве лидеров партий или же им лучше избегать образа партийственности, вступая в слабо определенные предвыборные и правящие «альянсы». В Бельгии и Италии, например, где антипартийные настроения особенно заметны, подавляющее большинство из конкурирующих организаций отказались от наименования «партия» и теперь пытаются представить себя над или вне партийной принадлежности. Можно ли выбирать парламент без участия партий⁶⁰? Или, если изменение является лишь номенклатурным, существует ли предел того, как и на какое время сохранится иллюзия принципиальной разницы между «альянсами» и партиями?

Оборотная сторона этих вопросов заключается в том, насколько возможно существование правительства без партийности; как, например, можно сохранить единство законодательной и исполнительной власти, которое, по-видимому, необходимо в парламентской демократии, отказываясь при этом от какого-либо чувства сплоченности на избирательном уровне⁶¹? Если партии разрушат организационные границы в самом низу, то как они смогут поддерживать эти границы в пределах государственных институтов? И даже если бы эти организационные проблемы были преодолены, как стала бы поддерживаться демократическая легитимность внутри парламента, образованного без коллективного одобрения избирателей? Последний вопрос особенно важен, если учесть, что единственным ответом на организацион-

56. Schattschneider 1941: 1.

57. Berger 1979: 27.

58. Ibid: 30.

59. Dalton, Weldon 2005.

60. Возможность беспартийных выборов или выборов «альянсов» была предложена столетие назад Острогорским. Изложение его идей и их критику см.: Ranney 1954.

61. См. также: Volleyer 2009.

ные силы партий в парламенте было повышение роли отдельных членов, которое, в свою очередь, было приравнено к большей демократии⁶². Но даже если каждый член добросовестно представляет мнения и интересы своих собственных избирателей, не будет ни одного (индивидуального или коллективного) субъекта, которого можно было бы привлечь к ответу за законодательные решения, ведущие к тем типам поведения (например, «занятию позиции», «требованию признания», но не принятию ответственности), которые Дэвид Мэйхью показал в американском Конгрессе⁶³, и в результате мы имеем пренебрежение к институтам государства, даже если избиратели продолжают с любовью относиться к отдельным своим представителям⁶⁴.

Трансформация партий сопровождалась соответствующей трансформацией в характере демократии. Если подходить к этой трансформации с точки зрения классической модели партийного правительства⁶⁵, то легко сделать вывод, что современная партия себя исчерпала. Партии не выступают в качестве агентов избирателей. Но избиратели, похоже, мало заинтересованы в том, чтобы выступать в роли принципала по отношению к партиям.

Более того, если демократия требует также активного участия подавляющего большинства граждан в партийном избирательном процессе, то, безусловно, демократия переживает кризис, не в последнюю очередь потому, что партийность стала ругательством как для граждан, так и для политиков. Одним из результатов этого кризиса стало появление альтернативных моделей социального регулирования, которые опираются на неправительственные организации, сети и т. п., а не на государственную власть как средство разрешения конфликтов и распределения ценностей. Подобно правительству в модели картельных партий, здесь большее значение придается эффективному управлению, а не инновациям, достижению согласия, а не конфликту, консенсусу, а не решению большинства, и участию заинтересованных сторон, а не массовому участию. Ирония заключается в том, что, хотя появление картельной системы считается опасностью для демократического правительства, неполитические способы управления зачастую преподносятся как образцовые формы демократической политики, но при этом вовсе не очевидно, что они способны обеспечить большую вовлеченность общества или подотчетность перед ним, чем политические партии, какими бы картелизованными они ни были.

Перевод с английского Ирины Соболевой

62. Thomas 2007.

63. Mayhew 1974. Одной из главных претензий Вудро Вильсона к политическим партиям и демократии была невозможность контроля над фактически автономными членами Конгресса со стороны избирателей. В этих условиях он говорил: «Я не проголосую за того, на кого я ни в чем не могу положиться, за исключением самого себя». Wilson 1897.

64. См.: Fenno 1975.

65. Katz 1986.

ЛИТЕРАТУРА

- Майр П. Правление пустотой? Схлопывание западной демократии // Прогнозис. 2006. № 4 (8).
- Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
- Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
- Aucante Y., Dézé A. (Eds). Les systèmes de partis dans les démocraties occidentales: Le modèle du parti-cartel en question. Paris: Presses de Sciences Po, 2008.
- Bardi L. (Ed). Partiti e sistemi di partito: il cartel party e oltre. Bologna: Il Mulino, 2006.
- Bartolini St., Mair P. Challenges to Contemporary Political Parties // Political Parties and Democracy / Eds. L. Diamond, R. Gunther. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.
- Berger S. D. Politics and Anti-politics in Western Europe in the 70s // Daedalus. 1979. № 108 (1). P. 27–50.
- Beume K. I. von. Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition. 1996. № 31 (2). P. 135–159.
- Biezen I. van. Political Parties in New Democracies: Party Organization in Southern and East-Central Europe. Houndmills: Palgrave, 2003.
- Biezen I. van. Political Parties as Public Utilities // Party Politics. 2004. № 10 (6). P. 701–22.
- Bischoff C. S. Political Competition and Contestability: A Study of Barriers to Entry in 21 Democracies. Ph. D. diss. European University Institute, 2006.
- Blyth M., Katz R. S. From Catch-all Politics to Cartelisation // West European Politics. 2005. № 28 (1). P. 33–60.
- Bolleyer N. Inside the Cartel Party: Party Organization in Government and Opposition // Political Studies. Forthcoming.
- Borchert J. The Political Class and Its Self-Interested Theory of Democracy: Historical Developments and Institutional Consequences. Presented at the European Consortium for Political Research Joint Sessions of Workshops. Copenhagen, April 14–19 2000.
- Bottom K. A. Party Cartelisation and the Locality: the British Case. Presented at the European Consortium for Political Research Joint Sessions of Workshops. Helsinki, May 7–12 2007.
- Bowler Sh., Carter E., Farrell D. Studying Electoral Institutions and their Consequences: Electoral Systems and Electoral Laws. University of California, Irvine, Center for the Study of Democracy, 2001. Paper 01–05 [http://repositories.cdlib.org/csd/01–05].
- Dalton R. J. Cognitive Mobilization and Party Dealignment in Advanced Industrial Democracies // Journal of Politics. 1984. № 46. P. 264–84.
- Dalton R. J., Wattenberg M. P. (Eds). Parties without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies. New York: Oxford University Press, 2002.
- Dalton R. J., Weldon St. A. Public Images of Political Parties: A Necessary Evil? // West European Politics. 2005. № 28 (5). P. 931–951.
- Detterbeck K. I. Cartel Parties in Western Europe? // Party Politics. 2005. № 11 (2). P. 173–191.
- Doering H. Party Government in Britain: Recent Conspicuous Constraints // Party Governments: European and American Experiences / Ed. R. S. Katz. Berlin: de Gruyter, 1987.
- Eijk C. van der, Franklin M. N. Potential for Contestation on European Matters at National Elections in Europe // European Integration and Political Conflict / Eds. G. Marks, M. N. Steenbergen. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Eldersveld S. J. Political Parties: A Behavioral Analysis. Chicago: Rand McNally, 1964.
- Elster J. Ulysses Unbound: Studies in Rationality, Precommitment, and Constraints. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Epstein L. D. Political Parties in Western Democracies. New York: Praeger, 1967.
- Epstein L. D. Political Parties in the American Model. Madison: University of Wisconsin Press, 1986.
- Fenno R. F., Jr. If, as Ralph Nader Says, «Congress is the Broken Branch», How Come We Love our Congressmen So Much? // Congress in Change: Evolution and Reform / Ed. N. J. Ornstein. New York: Praeger, 1975.
- Flora P. Preface // Growth to Limits: The Western European Welfare States Since World War II / Ed. P. Flora. Vol. 1. Berlin: de Gruyter, 1986.
- Goot M. The Australian Party System, Pauline Hanson's «One Nation and the Party Cartelisation Thesis» // Political Parties in Transition? / Ed. I. Marsh. St. Leichhardt NSW: The Federation Press, 2006.
- Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Jouvenel R. de. La République des Camarades. Paris: Bernard Grasset, 1914.
- Katz R. S. Party Government: A Rationalistic Conception // Visions and Realities of Party Government / Eds. Fr. G. Castles, R. Wildenmann. Berlin: De Gruyter, 1986.
- Katz R. S. Whose Agent? Principles, Principals, and Party Politics. Presented at the Meeting of the Council for European Studies. Chicago, March 14–17 2002.
- Katz R. S. Cartels, Consensus Democracy, and Representation in the European Union. Presented at the Political Representation Workshop, European Consortium for Political Research Joint Sessions of Workshops. University of Edinburgh, March 28—April 2 2003.
- Katz R. S. Finance Reform and the Cartel Model in Canada. Presented at the Party and Election Finance: Consequences for Democracy Conference. University of Calgary, May 25–26 2006.
- Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization: The Emergence of the Cartel Party. Presented at the Democracies and the Organization of Political Parties Workshop, European Consortium for Political Research Joint Sessions of Workshops. University of Limerick, March 30—April 4 1992.
- Katz R. S., Mair P. The Evolution of Party Organizations in Europe: The Three Faces of Party Organization // American Review of Politics. 1993. № 14 (Winter). P. 593–618.
- Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. № 1 (1). P. 5–28.
- Katz R. S., Mair P. Cadre, Catch-all, or Cartel? A Rejoinder // Party Politics. 1996. № 2 (4). P. 525–534.
- Katz R. S., Mair P. The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth-century Democracies // Political Parties: Old Concepts and New Challenges / Eds. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Kettl D. F. The Global Public Management Revolution: A Report on the Transformation of Governance. Washington DC: Brookings, 2000.
- Key V. O., Jr. Politics, Parties, & Pressure Groups. New York: Crowell, 1964.
- Kirchheimer O. The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes // Social Research. 1957. № 24. P. 127–156.
- Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems // Political Parties and Political Development / Eds. J. La Palombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966.
- Kitschelt H. Citizen, Politicians, and Party Cartelization // European Journal of Political Research. 2000. № 37 (2). P. 149–179.
- Koole R. Cadre, Catch-all or Cartel? A Comment on the Notion of the Cartel Party // Party Politics. 1996. № 2 (4). P. 507–534.
- Kriesi H., Grande Ed., Lachat R., Dolezal M. West European Politics in the Age of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Krouwel A. Otto Kirchheimer and the Catch-all Party // West European Politics. 2003. № 26 (2). P. 23–40.
- Krouwel A. Party Models // Handbook of Party Politics / Eds. R. S. Katz, W. Crotty. London: Sage, 2006.
- Lijphart A. Verzuiling, Pacificatie en Kentering in de Nederlandse Politiek. Haarlem: Becht, 1968.
- MacIvor H. Do Canadian Political Parties Form a Cartel? // Canadian Journal of Political Science. 1996. № 29 (2). P. 317–333.
- Mair P. Political Opposition and the European Union // Government and Opposition. 2007. № 42 (Winter). P. 1–17.
- Mair P., Ingrid van Biezen I. Party Membership in Twenty European Democracies, 1980–2000 // Party Politics. 2001. № 7 (1). P. 5–22.
- Majone G. The Rise of the Regulatory State in Europe // West European Politics. 1994. № 14 (3). P. 77–101.
- Marsh I. (Ed). Political Parties in Transition? St. Leichhardt NSW: Federation Press, 2006.
- Mayhew D. R. Congress: The Electoral Connection. New Haven: Yale University Press, 1974.
- Michels R. Political Parties. New York: Collier, 1962 [1911].
- Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Müller W. C. The Relevance of the State for Party System Change // Journal of Theoretical Politics. 1993. № 5 (4). P. 419–54.

- Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. Reading MA: Addison-Wesley, 1992.
- Panbianco A. *Political Parties: Organization & Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Pelizzo R. *Cartel Parties and Cartel Party Systems*. Ph. D. diss. The Johns Hopkins University, Baltimore MD, 2004.
- Pharr S.J., Putnam R.D. (Eds). *Disaffected Democracies*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Pierre J. (Ed). *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Pierre J., Svasand L., Widfeldt A. *State Subsidies to Political Parties: Confronting Rhetoric with Reality*//*West European Politics*. 2000. № 23 (1). P. 1–24.
- Ranney A. *The Doctrine of Responsible Party Government*. Urbana: University of Illinois Press, 1954.
- Sarrow S. *Party Subsidies and the Freezing of Party Competition: Do Cartels Work?*//*West European Politics*. 2006. № 29 (4). P. 619–639.
- Schattschneider E. E. *Party Government*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1941.
- Schmitter Ph. C. *Parties are Not What They Once Were*//*Political Parties and Democracy*/Eds. L. Diamond, R. Gunther. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.
- Skocpol Th. *Protecting Soldiers and Women: The Political Origins of Social Policy in the United States*. Cambridge MA: Harvard University Press, 1992.
- Thomas P. *A Glimpse of the Future? What the Minority Governments of the 38th and 39th Parliaments Can Teach about Proposals for Electoral Reform*. Presented at the Annual Meeting of the Canadian Political Science Association. Saskatoon, May 30 — June 1 2007.
- Walecki M. *The Europeanization of Political Parties: Influencing the Regulations on Party Finance*. EU1, Florence: Max Weber Programme Working Paper 2007/29. 2007.
- Wilson T. W. *Leaderless Government*. Address before the Virginia Bar Association, August 4 1897//*The Public Papers of Woodrow Wilson*. Vol. I/Eds. R. St. Baker, W. E. Dodd. New York: Harper, 1925.
- Wolinetz St. *Beyond the Catch-all Party: Approaches to the Study of Parties and Party Organizations in Contemporary Democracies*//*Political Parties: Old Concepts and New Challenges*/Eds. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Yishai Y. *Bringing Society Back in: Post-cartel Parties in Israel*//*Party Politics*. 2001. № 7 (6). P. 667–687.
- Young L., Sayers A., Jansen H., Eagles M. *Implications of State Funding for Party Organization*. Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington DC, September 1–4 2005.